E37 457

Е37-457

О ТОМЪ,

КАКЪ ЖИЛИ НАШИ ДѢДЫ

И КАКЪ

КНЯЗЬ ВЛАДИМІРЪ

КРЕСТИЛЪ РУССКІЙ НАРОДЪ.

РАЗСКАЗЪ ДЛЯ НАРОДА.

М. Рубцова.

ВОРОНЕЖЪ.
Типографія В. И. Исаева.
1887.

Н

3

Е37—457
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РСФСР
30180 1957 год

О томъ, какъ жили наши дѣды и какъ князь Владиміръ крестилъ русскій народъ *).

Еще 1000 лѣтъ тому назадъ русская земля занимала обширное пространство среди сосѣднихъ съ нею другихъ земель. Только земля эта прежде была не въ примѣръ лучше теперешней. Плодородной земли было много; лѣсовъ еще больше: они росли и тамъ, гдѣ теперь пустырь, да степи; а въ лѣсахъ этихъ водилось множество дичи и звѣрей. Многіе изъ теперешнихъ ручейковъ и рѣчекъ въ то время были рѣками, широкими и глубокими, по которымъ было можно свободно и далеко плавать и въ которыхъ водилось множество рыбы. Оттого и погода тогда была ровнѣе и теплѣе и неурожаи были не такъ часты, какъ теперь, когда лѣса повырубили, рѣки поуменьшились, а нѣкоторыя и совсѣмъ повысохли.

Вотъ въ этой-то, богатой всякимъ добромъ, странѣ, и жили наши предки—Славяне. Славянами они сами себя называли и это имя на ихъ языкѣ означало людей «словесныхъ», «разумныхъ», въ отличіе отъ другихъ народовъ, которыхъ они считали менѣе разумными и которыхъ они называли «нѣмыми» или «нѣмцами».—Они раздѣлялись на различныя племена, напр. Поляне, Древляне, Радимичи, Новгородцы, но го-

*) Въ память 900 лѣтія христіанства на Руси (988—1888).

ворили всѣ однимъ языкомъ, похожимъ на языкъ болгарскій, который впослѣдствіи измѣнился въ церковно славянскій, а этотъ затѣмъ — въ русскій. — Ихъ житье-бытье, нравы и религіи были чрезвычайно просты, хотя иногда и грубы. Тамъ и сямъ, въ лѣсахъ, долинахъ, а больше по берегамъ многоводныхъ рѣкъ, разбросаны были ихъ незатѣйливыя хатки или избушки, построенныя изъ самаго дешеваго матеріала, напр. дерева, соломы, глины. Жилища эти были лѣтнія и зимнія; лѣтнія назывались «клѣти», а зимнія — избами, потому что тамъ была печка. Наши предки не любили тѣсниться и каждое жилье строили на сколько возможно подальше отъ другого и окружали большимъ дворомъ, гдѣ сберегались въ ночное время отъ звѣрей стада домашнихъ животныхъ, а кругомъ этого двора лежали принадлежащіе хозяину дома, участки земли, на которыхъ онъ сѣялъ себѣ хлѣбъ.—Пищею для Славянъ служило то, что могла доставить имъ окружающая природа и ихъ собственный простой образъ жизни. Кромѣ молока и мяса домашнихъ животныхъ, въ лѣсахъ они ловили звѣрей, въ рѣкахъ рыбу, а на поляхъ сѣяли хлѣбъ. Особенною разборчивостію въ ѣдѣ они не отличались: такъ, съ одинаковымъ удовольствіемъ они ѣли и говядину, и конину, и медвѣжину, и веприну, и бобровину и другихъ звѣрей, предварительно сваривши, или подогрѣвши ихъ мясо на угольяхъ, потому что жарить еще не научились. А лакомились квасомъ, пивомъ, медами, да киселями, потому что водки, табаку, чаю, сахару, въ то время еще никто не зналъ.— Хлѣбушко сѣяли тотъ самый, что и мы теперь сѣемъ: это рожь, пшеница, пшено, ячмень, овесъ и др.,—не знали только гречи, картофеля, да капусты. Конечно намъ теперь можетъ показаться большимъ несчастіемъ быть лишеннымъ щей, каши да картофеля, составляющихъ самую обыкновенную, сытную и здоровую пищу, но наши предки имѣли свой вкусъ,

и для нихъ кусокъ подогрѣтой медвѣжатины или конины могъ казаться столь же вкуснымъ, какъ и намъ—наши кушанья. Они намъ на этотъ счетъ и пословицу сложили: «на вкусъ да цвѣтъ товарища нѣтъ».—Землю обработывали они орудіями очень схожими съ тѣми, какія и теперь употребляютъ наши мужички: это борона, соха, коса и др. Плуга не было.—Ѣздили на повозкахъ, похожихъ на наши телѣги или дровни, но назывались они «колы» и «возы». Совсѣмъ не знали употребленія дуги.—Одежда была тоже простая: на льняную рубаху надѣвали «свиту» или кожухъ съ рукавами, похожій на теперешній полушубокъ или овчину, а поверхъ еще какой-нибудь плащъ—лѣтомъ полегче, зимой потеплѣе, а на ноги надѣвали и тогда широкіе порты и лапти. Одежда женщинъ походила на мужскую, только сверхъ того онѣ любили наряжаться: носили серьги, перстни, ожерелье и въ особенности зеленыя бусы. Впрочемъ нужно сказать правду, были и мужчины, которые имъ подражали въ ношеніи нѣкоторыхъ изъ указанныхъ украшеній... На головѣ носили высокую мѣховую шапку.—Славяне были чисты и опрятны, а мыться и париться въ банѣ они любили съ незапамятныхъ временъ. Правда нѣмцы сплели злую сказку о Славянахъ,—что будто они моются всего три раза въ жизни: при рожденіи, при женитьбѣ и при смерти, но это они, вѣроятно, собственные обычаи переносятъ на насъ.

Славянинъ былъ высокъ ростомъ, плечистъ, силенъ, имѣлъ свѣтлые волосы, голубые и сѣрые глаза, носилъ усы, но брилъ бороду и голову, оставляя только клокъ волосъ на макушкѣ.

Въ правахъ и обычаяхъ нашихъ предковъ было много хорошаго, но были, конечно и недостатки. Вообще они были народъ мирный, добродушный и въ особенности гостепріимный. Гостемъ у нихъ считался и купецъ, и странникъ, и вообще

всякій новый человѣкъ изъ своей, или изъ чужой земли. Принять и угостить его всякій хозяинъ считалъ своею непремѣнною обязанностію; имѣлъ право даже украсть что нужно у сосѣда, если у самого не хватало чѣмъ угостить. Славяне недаромъ такъ любили странниковъ. Въ тѣ времена ни книгъ, ни газетъ, ни почтъ не было и новости не передавались такъ скоро, какъ теперь. А потому странники, какъ люди бывавшіе въ разныхъ земляхъ и видавшіе всякіе нравы и обычаи, были дорогими гостями уже потому, что знакомили нашихъ предковъ съ тѣмъ, что дѣлается въ другихъ странахъ. Кромѣ того, нашимъ предкамъ было желательно, чтобы эти странники и о нихъ разносили добрую славу въ чужихъ земляхъ.

Семейная жизнь устраивалась просто, хотя иногда и грубо. Брака не было, но молодые люди сходились на игрища, и здѣсь похищали себѣ женъ. При такомъ брачномъ обычаѣ дѣло зачастую конечно не обходилось безъ неудовольствій, а иногда и значительныхъ ссоръ между родителями жениха и невѣсты, въ особенности же, когда молодые жили дурно. Женихъ обыкновенно платилъ «вѣно» или выкупъ за похищенную жену. Въ семьѣ глава ея былъ полнымъ господиномъ и деспотомъ, т. е. могъ притѣснять и наказывать жену, какъ ему вздумается, и такъ же — обращаться съ дѣтьми. Скромности и приличія въ обращеніи между членами семьи тоже не было: грубость нравовъ въ этомъ отношеніи была на столько значительна, что брань и самое неприличное срамословіе были обыкновеннымъ дѣломъ. Было и многоженство. При такихъ порядкахъ положеніе женщины въ семьѣ было часто далеко не завидное. Правда намъ извѣстны примѣры мягкаго обращенія мужа съ женою, извѣстны случаи, когда она является помощницею и совѣтницею мужа, сопровождающею его на войну и даже пользуется нѣкоторыми общественными права-

ми, но это только частные случаи; вообще же женщина была существомъ безправнымъ, на нее смотрѣли какъ на существо низшее, недоростокъ, малолѣтку, у которой «волосъ дологъ, да умъ коротокъ», и всѣ тяжелыя работы въ домѣ лежали почти единственно на ея плечахъ.—Управлялись наши предки старшинами. Старшимъ или старшиной у нихъ почитался въ семьѣ—отецъ, въ нѣсколькихъ семьяхъ—дѣдъ, а если онъ не былъ живъ, то кто приходился старшимъ послѣ него по уму и по лѣтамъ. Такой старшій былъ въ каждомъ селѣ или деревнѣ. Для рѣшенія общественныхъ дѣлъ, касающихся нѣсколькихъ селъ или деревень, или даже цѣлаго племени, старшины эти собирались въ какое-либо мѣсто на совѣщаніе, или на «вѣче», гдѣ и рѣшали дѣла большинствомъ голосовъ. Большею частію эти «вѣча» собирались по случаю вторженія непріятеля и вотъ тутъ-то постановлялось: сколько нужно собрать войска, кому быть предводителемъ или княземъ и пр. Войнъ, вообще говоря, наши предки не любили и вели ихъ только тогда, когда на нихъ нападали. Способъ веденія войны былъ довольно грубъ и жестокъ. Не щадили ни стараго, ни малаго, ни безоружнаго; жгли и разоряли попадающіяся села и деревни. Плѣнныхъ обращали въ рабство; впрочемъ, по отношенію къ рабамъ, наши предки были нѣсколько милостивѣе другихъ народовъ, у нихъ плѣнные дѣлались рабами не навсегда, а на извѣстный срокъ, по прошествіи котораго они вольны были или продолжать служить старымъ хозяевамъ, или же идти на волю. На войнѣ открытаго боя Славяне не любили, а предпочитали сражаться изъ мѣстъ защищенныхъ, или нападать неожиданно, или же побѣждать непріятеля хитростію. Умѣли хорошо отсиживаться въ укрѣпленныхъ мѣстахъ, а въ случаѣ неудачи — ловко прятаться въ лѣсахъ и даже въ рѣкахъ, взявши въ ротъ тростниковыя трубочки, чрезъ которыя дышали, находясь подъ водой.—Нелюбовь къ

войнѣ была между прочимъ причиною появленія у Славянъ городовъ, которые первоначально представляли ничто иное, какъ «огороженныя» или укрѣпленныя села или деревни. Онѣ окружались тыномъ, земляным валомъ, или стѣною. Слово «городъ» встарину только и значило, что огороженное, защищенное мѣсто, куда съ началомъ войны спѣшили укрываться всѣ, кто могъ, съ своими семьями и пожитками. Города эти съ теченіемъ времени увеличивались, росли; внутри стѣнъ дѣлалось тѣсно и жители начинали строить свои избы около города, кругомъ стѣнъ; обводили эти новыя жилища второю изгородью или стѣною, такъ что городъ иногда состоялъ изъ нѣсколькихъ такихъ, похожихъ на кольца, стѣнъ, внутри которыхъ находились жилища. Остатки подобнаго устройства городовъ представляютъ доселѣ существующіе старинные города, напр. Новгородъ, Москва и др. Такъ какъ въ городахъ этихъ, по причинѣ тѣсноты населенія, неудобно было заниматься земледѣліемъ, то жители ихъ изобрѣли и развили новыя средства къ существованію, именно — промыслы и торговлю. Къ развитію торговли и промысловъ много способствовало и то обстоятельство, что во многихъ мѣстностяхъ самая земля была неудовлетворительна по своимъ качествамъ, какъ напримѣръ у Новгородцевъ. Поэтому-то мы и видимъ, что они прежде всѣхъ другихъ славянскихъ племенъ обзавелись городами и прежде всѣхъ завели торговлю не только съ окрестными народами, но и съ далекими иноземными, напр. съ Греками, Варягами, Нѣмцами и др. Торговля была первоначально мѣновая, потому что употребленія денегъ еще не знали. Употреблялись шкурки мѣховъ, — по преимуществу куницъ, — имѣвшія опредѣленную, условленную цѣнность, на которыя обмѣнивали другіе товары. Вмѣсто цѣлыхъ шкурокъ впослѣдствіи, для удобства, стали употреблять только части ихъ, напр., ножки, ушки, пол-ушки,—послѣднее названіе

потомъ перешло и удержалось за мелкой мѣдной монетой. Торговали разнымъ добромъ: продавали наши предки мѣха, медъ, воскъ, орѣхи, кречетовъ, рабовъ, а покупали—матеріи, сукна, стручки, бисеръ, вино, сафьянъ, ковры, мечи, металлы, селедку и др. Знакомясь съ другими народами, они не могли не научиться у нихъ разнымъ ихъ обычаямъ и дѣламъ. Больше всего наши предки были знакомы съ Греками и Варягами: съ ними они—то воевали, то торговали, то опять воевали, то опять мирно вели торговлю. Къ Грекамъ лежала отъ насъ хорошая дорожка: по рѣкѣ Днѣпру, въ Черное море, да и въ самый Царь-градъ, а Варяги приходили къ намъ съ сѣверо-запада изъ-за варяжскаго, теперь балтійскаго, моря. Эти Варяги, какъ узнали, что по Днѣпру Русскіе ѣздятъ въ Царь-градъ, да торгуютъ тамъ, а иногда и дань берутъ, и сами разохотились дѣлать тоже. Этимъ путемъ у нихъ съ нашими предками возникали частыя сношенія, оканчивавшіяся иногда войнами. А въ войнахъ побѣдителями оставались то наши, то Варяги, такъ что, то ихъ прогоняли за море, то они подчиняли себѣ одно или нѣсколько Славянскихъ племенъ и болѣе или менѣе долго властвовали надъ ними. Вотъ въ это-то время своего владычества надъ Славянами, Варяги болѣе, чѣмъ когда либо знакомили ихъ съ своими нравами и обычаями. Эти Варяги, или просто «враги» —что и означаетъ ихъ имя—были народъ бравый, сильный, рослый, воинственный и, хотя подъ часъ и нелегко нашимъ отъ нихъ жилось, тѣмъ не менѣе Славяне ихъ уважали за ихъ мужество, неустрашимость и познанія. Наши предки, какъ менѣе образованные, чѣмъ эти иностранцы, съ охотою перенимали у нихъ полезныя знанія, а тѣ охотно учили. Отъ постоянныхъ сношеній съ этими Варягами произошло то, что и въ языкъ Славянскій перешло немало варяжскихъ словъ, напр. стулъ, кнутъ, лавка, якорь, тіунъ, ябедникъ, ларь, гридь и др.

Религія нашихъ предковъ вполнѣ соотвѣтствовала всѣмъ прочимъ особенностямъ ихъ жизни. Духъ предка, или души умершихъ, были у нихъ главнымъ предметомъ поклоненія. Эти духи постоянно окружаютъ живущихъ людей, участвуютъ въ ихъ дѣлахъ и помогаютъ имъ въ ихъ нуждахъ. Куда бы ни пошелъ Славянинъ, чтобы онъ не дѣлалъ, онъ вездѣ представлялъ себѣ, что около него есть духъ, помогающій ему въ его дѣлахъ. Въ дому у него жилъ Домовой, за печкой, куда ему ставили пищу и, при переселеніи въ другую избу, хозяйка и его приглашала переселиться на новоселье. Это—добрый дѣдъ, похожій видомъ на человѣка, только мохнатъ немножко. Въ лѣсу у Славянина жилъ — дѣдушка — Лѣшій, ласковый дѣдъ, пасущій и охраняющій стада; въ полѣ—Полевой, или Житный Дѣдъ, котораго изображали послѣднимъ сжатымъ снопомъ; въ водѣ—Водяной, у котораго жена—русалочка, а дѣтки—утопленнички. Все это—веселые и добрые духи; злыхъ наши предки совсѣмъ не знали. Славяне думали, что духи предковъ могли принимать всякій образъ: они то блуждали огонькомъ, то цвѣли цвѣтиками, то прилетали ласточками. Боговъ въ собственномъ смыслѣ было мало и они не ясны. Извѣстенъ Дажъ-Богъ—богъ солнца, которому они когда-то въ незапамятныя времена такъ молились: «возстань, о солнце, и доставь то, въ чемъ мы нуждаемся. Порази ночь твоимъ лучемъ и погуби вмѣстѣ съ нею опасности намъ угрожающія. Ты услышь нашу молитву; ты прими отъ насъ въ жертву козла, корову или коня. О, солнце, дитя неба! Ты будь намъ благосклонно на столько, чтобы мы прославились тучностію нашихъ коровъ, многочисленностію овецъ и барановъ, собственною силою и здоровьемъ». Затѣмъ Волосъ,—богъ жатвы, скотоводства; Перунъ,—богъ грома, молніи и войны. За богами слѣдовали полубоги, или—наиболѣе почитаемые люди, напр. Святогоръ, Микула Селяни-

новичъ и др. По представленію Славянъ, вся жизнь ихъ находится въ зависимости отъ боговъ, и вотъ, въ благодарность за оказываемыя имъ милости, они совершали богослуженіе, состоявшее въ жертвоприношеніяхъ, иногда человѣческихъ, гаданьяхъ, шумныхъ пирахъ и веселыхъ играхъ. Богослуженіе совершалось гдѣ нибудь подъ тѣнію дуба или липы, и всегда на открытомъ воздухѣ, потому что храмовъ у Славянъ не было. Обыкновенно предъ изображеніемъ идола — грубымъ подобіемъ человѣческой фигуры — ставился жертвенникъ, который огораживали кольями и родоначальникъ приносилъ жертву, пилъ ея кровь и испрашивалъ той или другой милости у божества. Особенныхъ жрецовъ не было у Славянъ. — Празднества нашихъ предковъ олицетворяли собою теченіе жизни въ природѣ. Въ декабрѣ у нихъ былъ праздникъ коляды или рожденія краснаго солнышка, т. е. возвращеніе свѣта и тепла и начала лѣта. Въ честь рождающагося солнца пѣлись соотвѣтствующія пѣсни и приносились жертвы и обмолачивался Житный дѣдъ, зерна котораго отдавались мальчикамъ, ходившимъ по избамъ и осыпавшимъ ими жильцовъ въ знакъ изобилія. Пѣсни—колядки, которыя и теперь поются въ рождественскій сочельникъ въ Малороссіи, указываютъ на это старинное языческое празднество. Праздникъ этотъ длился около двухъ недѣль и состоялъ въ переряживаніи и гаданьяхъ, т. е. — бесѣдахъ съ покойниками. Другой праздникъ былъ въ честь весны, съ ея тепломъ, громомъ и первымъ дождикомъ. Тутъ пѣлись новыя пѣсни, зажигались огни и провожали зиму, которую въ видѣ соломеннаго чучела топили въ водѣ. Это былъ праздникъ красной горки, когда пекли блины, выкликали покойниковъ и ставили имъ кушанья. Молодежь же устраивала хороводы, выходили на горы и призывали весну-красну. Затѣмъ наставалъ Семикъ, когда убирали лентами зеленую березу, когда дѣвушки плели вѣнки,

мечтали о любви. То было время игрищъ, на которыхъ происходило умыканіе невѣстъ. Предъ наступленіемъ рабочей поры справлялся праздникъ купанья,—когда купались, прыгали чрезъ костры и собирали чудодѣйственныя травы; затѣмъ наступала рабочая пора, по окончаніи которой снова связывали Житнаго Дѣда и съ честью вносили въ избы. Осенью совершали тризну по русалкамъ. Въ будущей жизни, по понятіямъ нашихъ предковъ, не всѣ одинаково будутъ жить: угождавшіе богамъ при жизни пойдутъ въ прекрасный садъ, находящійся во владѣніи бога солнца, гдѣ будутъ жить, какъ жили на землѣ, пользуясь всѣми благами, а неугождавшіе пойдутъ въ горячее пекло, гдѣ живутъ темные духи, которые вѣчно будутъ терзать попавшихъ къ нимъ.

Такъ-то жили наши предки въ тѣ отдаленныя времена. Въ нихъ, какъ въ дѣтяхъ, представленныхъ собственной волѣ, какимъ-то страннымъ образомъ перемѣшивались и уживались самыя противоположныя духовныя качества: наивность и простота съ разумностію, осторожность съ храбростію, доброта съ жестокостію, сдержанность съ безстыдствомъ, свобода съ рабствомъ, трезвая мысль съ фантастическими вѣрованіями и пр. При такомъ патріархальномъ образѣ жизни они долго оставались бы игрушкою судьбы, собственныхъ страстей и иноземныхъ вліяній, если бы въ ихъ жизни не произошло перемѣны, кореннымъ образомъ измѣнившей весь ея строй. Перемѣна эта начала обнаруживаться съ того самаго времени, когда у нихъ образовалось прочное государство и когда они познакомились съ христіанской вѣрой.

Около того времени, какъ начаться русскому государству, Славянскія племена, долженствовавшія войти въ его составъ, были подъ властію тѣхъ самыхъ Варяговъ, о которыхъ мы говорили выше. Но въ 859 году наши дѣды собрались съ силами и прогнали своихъ поработителей за море; да только

не на долго, потому что тотчасъ же послѣ ихъ ухода, у насъ возникли несогласія, да ссоры, да войны. Родъ возсталъ на родъ и управы не было. Такъ прошелъ годъ, другой, а порядка не было. Тогда старшины, или тѣ, кто изъ нихъ поумнѣе были, собрались на совѣщаніе и стали судить, да рядить, какъ быть, что дѣлать? И порѣшили опять призвать къ себѣ тѣхъ, кого прогнали,—порѣшили призвать себѣ князей изъ ихъ племени. Отправили за море пословъ, которымъ велѣли сказать: земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ; приходите опять княжить и владѣть нами. Послы пришли къ варяжскому племени, по прозванію «Русь», и сказали, что имъ было наказано. Тогда изъ этого племени вызвались идти въ нашу землю княжить три брата, княжескаго рода: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, которые и пріѣхали въ нашу землю въ 862 году. Пріѣхали они не одни, а съ цѣлыми дружинами изъ Варяговъ — вѣроятно боялись измѣны,—и стали княжить. Съ этихъ-то поръ у насъ началось государство и, по имени того племени варяжскаго, изъ котораго происходили призванные князья—стало называться русскимъ. Братья Рюрика вскорѣ умерли и онъ сталъ единственнымъ княземъ всей Руси. За нимъ княжили, по порядку: его родственникъ Олегъ, затѣмъ Игорь, сынъ Рюрика, потомъ Св. Ольга, потомъ Святославъ и затѣмъ тотъ самый Владиміръ, который принялъ христіанскую вѣру и крестилъ въ неё весь русскій народъ. Великій былъ это князь на Руси и не было равнаго ему! Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть величественнѣе подвига: познать истинную вѣру и другихъ заставить её принять? Крестившись самъ и крестивъ народъ, онъ тысячи людей, иначе бы погибшихъ въ язычествѣ, ввелъ въ царство небесное, а потому Св. Церковь заслуженно дала ему названіе Равноапостольнаго, т. е какъ бы сравняла его съ Апостолами Христовыми за величіе подвига. Какъ же Влади-

міръ рѣшился на такое великое дѣло, будучи дотолѣ язычникомъ? Объ этомъ мы раскажемъ теперь.

Мы уже знаемъ, какая религія была у нашихъ предковъ язычниковъ и въ какихъ боговъ они вѣрили; эти боги были ничтожны, и вѣроятно Варяги, знавшіе христіанскую религію несравненно раньше, чѣмъ Русскіе, не разъ посмѣивались надъ нашими божками, сдѣланными изъ глины, да изъ дерева, да и сдѣланными-то не искусно. Но, посмѣиваясь надъ божками и идолами древнихъ славянъ, Варяги не могли скрывать христіанской вѣры, которую нѣкоторые изъ нихъ уже исповѣдывали. Это—первый и древнѣйшій способъ, посредствомъ котораго наши предки могли познакомиться съ христіанскою вѣрою; совершенно подобнымъ же образомъ они могли познакомиться съ христіанскою вѣрою и чрезъ Грековъ, съ которыми тоже у насъ были сношенія, а знакомясь не могли не видѣть ея превосходства предъ язычествомъ. Покрайней мѣрѣ несомнѣнно, что уже въ то время, когда у насъ основывалось государство, т. е. около 862 года, на Руси было не мало христіанъ, которые спокойно жили въ Кіевѣ и другихъ городахъ. Что это дѣйствительно такъ, доказательствомъ служитъ то обстоятельство, что уже при сынѣ Рюрика, Игорѣ (912—945), въ Кіевѣ была построена христіанская церковь во имя Св. пророка Иліи. Существованіе же храма показываетъ, что христіанъ было не мало. Князья наши не гнали и не стѣсняли христіанъ, и предоставляли имъ возможность свободно исповѣдывать свою вѣру. Христіане между тѣмъ всё увеличивались и увеличивались въ числѣ, потому что, живя среди окружающихъ себя язычниковъ, они по нравственному долгу не могли молчать о своей вѣрѣ или скрывать ея: это ни для чего не было нужно. Наоборотъ, несравненно вѣроятнѣе думать, что они объясняли своимъ роднымъ, язычникамъ, свою вѣру и уговаривали принять её. Такимъ обра-

зомъ христіанская вѣра могла у насъ скоро и быстро распространяться. Толки о новой и лучшей вѣрѣ у всѣхъ были на устахъ; оставленіе язычества и обращеніе въ христіанство повторялось всё чаще и чаще, къ радости христіанъ и къ огорченію еще не увѣровавшихъ язычниковъ. Все это не могло быть неизвѣстно и князю. Ликованія однихъ и жалобы другихъ не могли не доходить до князя и заставляли его волей неволей думать о вѣрѣ и объяснять причины и послѣдствія происходящихъ явленій среди его подданныхъ. И несомнѣнно, предпринимались какія либо мѣры, чтобы успокоить волненіе и печаль тѣхъ, которые имѣли причину быть недовольными, потому что князь считалъ своею обязанностію заботиться, чтобы между его подданными было все тихо и мирно. Какія это мѣры, до насъ не дошло объ этомъ свѣдѣній; извѣстно только то, что гоненій на христіанъ у насъ на Руси не было. А изъ отсутствія гоненій, съ другой стороны можно заключить, что вѣроятно и сами князья сочувствовали христіанству. Отчего же они до самаго Владиміра не принимали лучшей вѣры? Таковы были судьбы Промысла Божія послѣдовательно подготовлявшаго народъ къ принятію христіанской религіи. А къ тому же первымъ нашимъ князьямъ некогда было хорошенько и подумать о вѣрѣ. Они, какъ истые Варяги, только и думали о томъ, какъ бы отличиться военными подвигами и потому большую часть времени употребляли на удалые военные походы. Олегъ воевалъ съ Смольнянами и отнялъ у нихъ Смоленскъ, воевалъ съ Сѣверянами и отнялъ у нихъ Любечъ, прогналъ Аскольда и Дира изъ Кіева; Игорь предпринималъ далекіе и славные походы на Грековъ. А Святославъ Игоревичъ почти всю свою жизнь провелъ внѣ предѣловъ своего отечества, оставаясь по цѣлымъ годамъ въ предѣлахъ полюбившейся ему Болгарской земли.

Первая, которая поняла всё величіе христіанской религіи

и рѣшилась ее принять и провести въ жизнь подвластнаго ей народа, была женщина, — это Св. Ольга, жена Игоря, мать Святослава и бабка Владиміра [1]). Это и понятно почему. Какъ женщина, она не могла имѣть такой страсти къ войнамъ, какою отличались ея предшественники—князья мужчины. У ней, слѣдовательно, было и больше времени подумать о душѣ и спасеніи; какъ у женщины, ея сердце было болѣе кротко и мягко и, слѣдовательно, болѣе доступно вліянію религіи, мира и любви, каково христіанство, и вотъ она,— обдумавши это великое дѣло, — смѣло рѣшается перемѣнить вѣру: ѣдетъ въ Царь-градъ и тамъ крестится. Возвратившись, она располагаетъ къ христіанству своего сына, грубаго Святослава; но этотъ даже обидѣлся на мать за ея увѣщанія. Что ты мнѣ говоришь, возражалъ онъ матери, чтобъ я крестился? что мнѣ скажетъ дружина моя, если я это сдѣлаю?.. И онъ имѣлъ право такъ сказать. Святославъ былъ истый язычникъ и варягъ. Высокаго роста, широкоплечій, съ мускулистыми сильными руками, какъ бы предназначенными исключительно для богатырскихъ подвиговъ, съ серьгой въ одномъ ухѣ, бритой головой и чубомъ на макушкѣ, онъ имѣлъ видъ завзятаго воина,—какимъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ; ему-ли было думать о нравственномъ перерожденіи общества, о перемѣнѣ религіи? Ему-ли было чувствовать необходимость въ новой вѣрѣ, когда онъ, счастливецъ въ войнахъ, всегда могъ думать, что и старые боги ему помогаютъ? Предложеніе матери ему казалось забавнымъ, пока та говорила не настаивая, и обиднымъ, когда Св. Ольга стала серьёзно совѣтовать ему перемѣнить вѣру. Вотъ тутъ-то онъ и вспомнилъ дружину, которою наши первые князья въ особенности дорожили, такъ какъ она была единственной

---

[1]) Аскольдъ и Диръ еще раньше св. Ольги приняли вѣру Христову.

почти поддержкой ихъ власти въ странѣ чуждой, но волею судебъ сдѣлавшейся ихъ новой родиной. Князья ею хвастались, ею щеголяли, её баловали, её наряжали — однимъ словомъ ни въ чёмъ ей не отказывали. Дружина у князя — это его другъ и товарищъ, участникъ и свидѣтель его подвиговъ. Съ нею онъ пилъ, ѣлъ, пировалъ и совѣтовался. При такомъ значеніи дружины, естественно, если князья дорожили ею и ея мнѣніемъ и сами старались поступать согласно ея желаніямъ. Правда, въ дружинѣ Святослава были и христіане, которымъ конечно не могли быть по душѣ его военныя затѣи и подвиги; они пожалуй съ бо̀льшимъ удовольствіемъ предпочли бы этимъ безконечнымъ блужданіямъ въ чужихъ странахъ пребываніе на родинѣ, среди семьи и родныхъ;—они, конечно, были на сторонѣ совѣтовъ Ольги, а можетъ быть и сами тѣмъ или другимъ способомъ пытались выразить сочувствіе совѣтамъ его матери,—но такихъ совѣтниковъ было еще не много въ дружинѣ князя, ихъ было меньшинство, иначе Святославъ никакъ не могъ бы сослаться на несочувствіе дружины. И такъ св. Ольга, хотя и приняла христіанство, хотя можетъ быть и была причиною того, что, глядя на неё, на Руси еще не одна сотня людей присоединилась къ стаду Христову, но она не ввела его въ народѣ, потому что самостоятельно она управляла только во время малолѣтства сына, крестилась же значительно позднѣе, когда Русскимъ государствомъ самостоятельно управлялъ ея сынъ, упомянутый Святославъ. Однако не послушавшись самъ матери, Святославъ нисколько не препятствовалъ ей воспитывать, какъ ей хотѣлось, своихъ дѣтей, которыхъ у него было трое. Старшій Ярополкъ, средній Олегъ и младшій Владиміръ. Къ сожалѣнію Ольгѣ не пришлось всѣхъ дѣтей Святослава наставить въ христіанской вѣрѣ. До самой смерти Святослава и даже послѣ того, на ея рукахъ оставались только двое

старшихъ дѣтей Святослава, именно Ярополкъ, которому было 11 лѣтъ въ годъ смерти его отца (972 г.) и Олегъ 10 лѣтъ, меньшаго же сына, Владиміра, отецъ еще ребенкомъ отослалъ вмѣстѣ съ его дядей Добрынею въ Новгородъ, на княженіе, такъ какъ Новгородцы выпросили его себѣ въ князья. Такимъ образомъ благотворное, смягчающее дѣйствіе христіанской вѣры могло коснуться и коснулось только души Ярополка и Олега и то настолько, насколько они могли воспринять это дѣйствіе или вліяніе по своей молодости. Однако, какъ исторія свидѣтельствуетъ, вліяніе христіанства на Ярополка Святославовича было столь значительно, что было причиною нелюбви къ нему Кіевскихъ язычниковъ, боявшихся, что онъ измѣнитъ вѣрѣ отцевъ и приметъ христіанство. Боязнь эта была причиною того, что они измѣнили этому старшему и законному своему князю и передались на сторону Владиміра, воспитаннаго, какъ имъ было извѣстно, его дядею, въ правилахъ строгаго язычества. Владиміръ этотъ, въ то время, какъ былъ увезенъ въ Новгородъ, былъ настолько малъ, что едва ли и помнилъ свою бабку. А между тѣмъ Господу угодно было, чтобы именно этотъ ярый язычникъ и сдѣлался равноапостольнымъ, подобно тому, какъ Ему же угодно было, чтобы жестокій гонитель христіанства Савлъ, сдѣлался потомъ однимъ изъ ревнѣйшихъ проповѣдниковъ ученія Христа. Въ 980 году Владиміръ сдѣлался великимъ княземъ въ Кіевѣ. Ему было въ это время всего лѣтъ 17, но онъ былъ уже великій грѣшникъ. Правда, не всё изъ того, что онъ сдѣлалъ, должно быть приписано единственно его собственной волѣ, такъ какъ онъ былъ еще слишкомъ молодъ, чтобы поступать самостоятельно, тѣмъ не менѣе, хотя и невольно, имъ всетаки совершено было не мало жестокостей и насилій. Напримѣръ, онъ напалъ на Полоцкаго князя Рогволода, убилъ его со всей семьей, за исключеніемъ дочери Рогнѣды, бывшей въ это время не-

вѣстой брата его Ярополка, которую онъ насильно взялъ себѣ въ жены. Затѣмъ, когда Ярополкъ палъ отъ руки воиновъ Владиміра, послѣдній взялъ себѣ въ жены его вдову; Рогнѣду же, ненавидѣвшую его и покушавшуюся разъ на его жизнь, прогналъ отъ себя обратно въ Полоцкъ. Сдѣлавшись великимъ княземъ, онъ долженъ былъ удовлетворить желаніямъ тѣхъ, измѣнѣ которыхъ онъ былъ обязанъ своимъ великокняжескимъ столомъ, т. е. желаніямъ язычниковъ, ожидавшимъ отъ него поддержки падающаго язычества; въ противномъ случаѣ, положеніе его могло оказаться столь же непрочнымъ, какимъ сдѣлалось для его брата Ярополка, за его сочувствіе христіанству. Мы дѣйствительно и видимъ, что Владиміръ, на первыхъ же порахъ своего княженія въ Кіевѣ, заявляетъ себя ревностнымъ язычникомъ, онъ велитъ всюду ставить идоловъ; прежде ихъ не было на княжемъ дворѣ,—на видныхъ мѣстахъ, теперь ими уставлены были чуть ли не всѣ углы въ великокняжескомъ теремѣ и всѣ видныя и высокія мѣста въ городѣ. Въ Кіевѣ напр., на высокомъ холмѣ, была поставлена статуя Перуна съ серебряной головой и золотыми усами, статуя Дажбога и другихъ боговъ, которымъ кіевскіе язычники должны были приносить въ жертву своихъ сыновей и дочерей. При этомъ собственнымъ поведеніемъ Владиміръ показываетъ всѣмъ примѣръ невоздержанія: онъ завелъ у себя сотни женъ и сотни наложницъ въ разныхъ городахъ. Онъ былъ не сытъ отъ блуда, по выраженію лѣтописца, и женолюбивъ, какъ Соломонъ. И творились мерзости и полилась кровь человѣческая въ Русской землѣ на радость бѣсамъ! Однако такъ дѣло не могло продолжаться долго. Владиміръ былъ увлекающійся юноша, къ тому же поощряемый своимъ дядей, грубымъ язычникомъ Добрыней, но онъ былъ кромѣ того еще человѣкъ, который, какъ впослѣдствіи оказалось, стоялъ головой выше своихъ современниковъ, даже выше сво-

его злого генія Добрыни. Чувственность надоѣдаетъ; человѣкъ ею пресыщается и тогда ищетъ удовлетворенія въ чемъ нибудь другомъ; какъ умный человѣкъ, Владиміръ долженъ былъ думать о томъ, что онъ дѣлаетъ, а думая, онъ не могъ не придти къ сознанію всей неблаговидности и непристойности затѣянныхъ имъ потѣхъ. Душа его не могла ими удовлетвориться, потому что онѣ были слишкомъ низменны и недостойны какой бы то ни было религіи. Онъ былъ въ положеніи человѣка, которому опротивѣла его чувственная жизнь и который жаждалъ духовной пищи. А эту пищу давала христіанская религія, съ которой князь уже имѣлъ время познакомиться въ Кіевѣ: эта религія давала возвышенныя правила жизни, она давала опредѣленныя отвѣты на вопросы о началѣ міра и будущей жизни; язычество же въ сравненіи съ нею было совершенно безцвѣтно: кромѣ нѣкоторыхъ обрядовъ и служенія чувственности оно ничего не давало; никакими возвышенными вопросами оно не задавалось и не разрѣшало, да и некому было заниматься этимъ, потому что у нашихъ предковъ, какъ мы знаемъ, и жрецовъ даже не было! Вслѣдствіе всего этого, Владиміръ не могъ не видѣть всей безцѣльности и всей неразумности своихъ попытокъ возстановить язычество, давши ему перевѣсъ надъ христіанствомъ. Онъ могъ стыдиться и за язычество, какъ вѣру, которую исповѣдывали его отцы, и которую онъ, развитіемъ чувственности, унижалъ и умалялъ. Ему стыдно было и христіанъ, смотрѣвшихъ на его дѣйствія съ удивленіемъ и сожалѣніемъ. Посему нѣтъ ничего удивительнаго, если въ немъ, какъ въ человѣкѣ мыслящемъ, началась сильная внутренняя борьба, приведшая его вскорѣ къ рѣшимости измѣнить свои убѣжденія и жизнь. Измѣненіе это прежде всего должно было выразиться въ перемѣнѣ вѣры. Но этотъ пере-

воротъ совершился постепенно и при помощи еще особыхъ внѣшнихъ вліяній.

Такое вліяніе прежде всего должна была произвести перемѣна въ личномъ составѣ дружины Владиміра. Мы знаемъ, что изъ Новгорода Владиміръ привелъ дружину варяжскую, но большую ея часть онъ вскорѣ удалилъ отъ себя за буйство; изъ нея остались при немъ только лучшіе люди. То были язычники, но среди нихъ могли быть и христіане. Главнымъ же образомъ христіанскій элементъ въ дружинѣ Владиміра увеличился вслѣдствіе перехода къ нему дружины его погибшаго брата Ярополка,—того самаго, которому Кіевляне измѣнили за его расположеніе къ христіанству. Нѣтъ сомнѣнія, что дружина этого князя должна была, если не вся, то въ большей своей части, состоять изъ христіанъ. Дружина же отцовская, — та самая, которой насмѣшекъ боялся Святославъ, когда отвергнулъ совѣтъ матери креститься, — полегла костьми на поляхъ Болгаріи и къ Владиміру изъ нея могла присоединиться только незначительная, уцѣлѣвшая отъ войны, часть. Въ этомъ обстоятельствѣ нельзя не видѣть особаго Промысла Божія, незамѣтно направлявшаго Владиміра на путь истины и добра. Владиміръ-язычникъ съ самаго начала своего княженія въ Кіевѣ, является окруженнымъ дружиной, въ большинствѣ состоявшей изъ христіанъ. Вотъ эти-то христіане, молчавшіе въ то время, когда Владиміръ предавался идолослуженію и невоздержанію, были съ другой стороны первыми его совѣтниками и увѣщателями, какъ только подмѣтили перемѣну въ настроеніи своего князя. Между тѣмъ въ 983 году случилось въ Кіевѣ происшествіе, подавшее поводъ къ оживленнымъ толкамъ о вѣрѣ не только среди дружины велико-княжеской, но и во всемъ Кіевѣ. Происшествіе это заключалось въ слѣдующемъ. Владиміръ, возвратившись послѣ похода на Ятвяговъ, въ Кіевѣ, велѣлъ

приносить человѣческія жертвы богамъ. Такъ какъ жертвы выбирались по жребію, то и въ тотъ разъ, о которомъ идетъ рѣчь, рѣшили бросить жребій. Жребій палъ на молодаго и красиваго мальчика, сына одного варяга, пришедшаго въ Кіевъ изъ Греціи и исповѣдывавшаго христіанскую вѣру. Посланные отъ народа пришли къ нему и сказали: «палъ жребій на твоего сына; богамъ угодно взять его къ себѣ и мы хотимъ принести его въ жертву». На это варягъ отвѣчалъ: «у васъ не боги, а дерево: нынче есть, а завтра сгніютъ; они ни ѣдятъ, ни пьютъ, ни говорятъ, и сами сдѣланы руками человѣческими. Богъ одинъ и именно тотъ, которому покланяются Греки, который сотворилъ небо, звѣзды, землю, солнце и луну, и человѣка; а ваши боги что сдѣлали? Они сами сдѣланные! Не дамъ сына моего бѣсамъ»! Посланные вернулись и передали, что слышали, толпѣ, ожидавшей жертвы. Толпа пришла въ неистовство и, въ нѣсколько минутъ, разъяренная и вооруженная разломала домъ смѣлаго варяга, требуя выдачи мальчика. Тогда отецъ мальчика вышелъ на крыльцо съ своимъ сыномъ и, обратясь къ толпѣ сказалъ: «если ваши боги дѣйствительно боги, то пусть пошлютъ за моимъ сыномъ кого-либо изъ среды себя, а вы о чемъ хлопочете»? Но толпа еще болѣе разъярилась, слыша насмѣшливыя слова надъ ея богами, и принялась рубить столбы, поддерживавшіе высокое крыльцо, на которомъ стояли варяги. Крыльцо рухнуло и отецъ съ сыномъ немедленно были убиты. Это событіе должно было произвести потрясающее впечатлѣніе на всѣхъ, въ томъ числѣ и на Владиміра. Слова варяга «ваши боги дерево», сказанныя публично, всенародно и мученическая смерть варяговъ за свою вѣру, должны были быть предметомъ смущенія, удивленія и волненія во всемъ Кіевѣ. Не одинъ язычникъ, вѣроятно, позадумался надъ страннымъ значеніемъ ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, ихъ языческіе боги были

унижены, названы деревомъ, а между тѣмъ они безмолствуютъ и не совершилось никакого знаменія,—которое бы показывало, что они существуютъ и чувствуютъ нанесенное имъ оскорбленіе. Безмолвны стояли кумиры языческіе, какъ предъ своими почитателями, такъ и поносителями! Не могъ не задуматься надъ тѣмъ же и Владиміръ. Что же въ самомъ дѣлѣ я дѣлаю?--могъ спросить онъ себя. Къ чему гублю людей, можетъ быть напрасно? Не буду-ли я виновенъ? А дружина между тѣмъ прямо говорила: да, князь, ты заблуждаешься, ты напрасно губишь невинныхъ людей; истуканы безмолствуютъ и не въ силахъ защитить себя! Увѣруй же въ Истиннаго Бога и прекрати напрасное душегубство, за которое придется отдавать отвѣтъ Истинному Богу. Владиміръ, предрасположенный уже внутренно къ новой вѣрѣ, не безъ волненія слушалъ обращенныя къ нему слова дружескаго увѣщанія; онъ жаждалъ ихъ слышать и они произвели въ немъ спасительную рѣшимость перемѣнить вѣру. Рѣшимость великаго князя перемѣнить вѣру, разумѣется, прежде всего стала извѣстна дружинѣ, а отъ нея распространилась всюду, даже внѣ Кіева. Услыхали о ней народы разныхъ религій, и, такъ какъ они могли не знать, какую вѣру хочетъ принять Владиміръ и—думать, что онъ будетъ еще выбирать между разными вѣрованіями, то стали присылать къ нему пословъ съ предложеніемъ каждый своей вѣры. Любознательнаго Владиміра эта новинка, конечно, могла интересовать и вотъ мы видимъ, что онъ даетъ себѣ трудъ выслушать этихъ пословъ. Такъ пришли къ нему нѣмцы, хвалили свою вѣру и хулили чужія; Владиміръ, посовѣтовавшись съ дружиной, сказалъ имъ въ отвѣтъ: идите обратно; отцы наши не приняли вашего ученія и я не приму. Пришли и магометане съ предложеніемъ своей вѣры. Владиміру понравился ихній плѣнительно—чувственный рай, но узнавши, что ихъ вѣра предписываетъ

обрѣзаніе и запрещаетъ пить вино, онъ отвергъ и ихъ вѣру, сказавши: «Руси есть веселіе пити, не можемъ безъ того быти»! Прибѣжали и жиды съ предложеніемъ своей вѣры и завели такую бесѣду съ княземъ: князь ихъ спрашиваетъ: «Гдѣ ваше отечество»?—Въ Іерусалимѣ было, — отвѣчали тѣ робко... А теперь гдѣ? спросилъ ихъ князь. А теперь нигдѣ, оттого что Богъ разгнѣвался на насъ и разсѣялъ насъ по всему лицу земному. — Такъ что же вы мнѣ предлагаете свою вѣру—съ гнѣвомъ воскликнулъ Владиміръ,—или хотите чтобы и мой народъ Богъ разсѣялъ по всей землѣ? и прогналъ жидовъ. Пришли и Греки православные съ предложеніемъ своей вѣры и вѣра ихъ больше всѣхъ понравилась князю. Проповѣдникъ греческій въ короткихъ, но живыхъ и простыхъ словахъ изложилъ предъ великимъ княземъ всю исторію Божьяго промышленія о человѣкѣ съ самаго его сотворенія и кончая искупленіемъ и будущимъ славнымъ пришествіемъ. Для большей же наглядности своихъ словъ онъ развернулъ предъ великимъ княземъ картину страшнаго суда, гдѣ на первомъ планѣ былъ изображенъ Господь, окруженный ангелами, призывающими трубнымъ звукомъ всѣхъ на судъ. Собравшихся людей ангелы Божіи ставили — кого по правую руку Господа, кого по лѣвую. Проповѣдникъ объяснилъ князю, что значитъ это раздѣленіе; именно, онъ сказалъ, что тѣ, которые поставлены по правую руку Господа, наслѣдуютъ царство небесное, а поставленные по лѣвую—пойдутъ въ муку вѣчную. Владиміръ, слушая разскащика и глядя на картину, прослезился и сказалъ, вздохнувши: Хорошо тѣмъ, которые стоятъ по правую сторону!... Тогда проповѣдникъ сказалъ ему: Крестись и будешь среди праведниковъ. Впечатлѣніе этого разговора съ греческимъ проповѣдникомъ на Владиміра, какъ видно, было не малое. И раньше онъ слышалъ «о благовѣрной землѣ Гречестѣ, христолюбивѣй и сильнѣй вѣрою,—

какъ единаго Бога въ Тройци чтутъ и кланяются; какъ въ нихъ дѣются силы и чудеса и знаменія; какъ церкви людей исполнены, како веси и гради благовѣрни вси въ молитвахъ прилѣжать и вси Богови предстоять» — это слова Иларіона, перваго «русскаго» митрополита, почти современника Владиміра, — но теперь, для него, уже рѣшившагося креститься, слова проповѣдника должны были имѣть двойное значеніе,— значеніе немедленной и неотложной необходимости перемѣнить вѣру. При такомъ состояніи своихъ мыслей, медлить перемѣнить вѣру было для него столь же тяжело, какъ и продолжать оставаться въ язычествѣ.

Тѣмъ не менѣе, сразу повергнуть дѣло все-таки было невозможно. Нужно было прежде подумать о возможныхъ послѣдствіяхъ своего шага. Какъ отнесутся къ его дѣлу язычники? Какъ ихъ успокоить въ случаѣ объявленія господствующей языческой религіи никуда не годной, и—признанія истинной другой, еще для многихъ бывшей камнемъ преткновенія и соблазна? Какъ поступить въ случаѣ сопротивленія? Да и кто знаетъ, до какой степени силы могло дойти это сопротивленіе? Эти вопросы, и тысячи подобныхъ имъ, охватили душу Владиміра, жаждавшую перемѣны вѣры, тосковавшую по ней, но незнавшую какъ выпутаться изъ тѣхъ затруднительныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ она находилась. Отъ того-то мы и видимъ во Владимірѣ долгія колебанія, уже послѣ того, какъ онъ рѣшился принять христіанство. Рѣшиться на хорошее дѣло можно скоро, и должно. Но всегда нужно подумать о томъ, какъ привести въ исполненіе это хорошее дѣло, въ особенности, если оно важное. Даже для его ума въ такомъ важномъ дѣлѣ было трудно разобраться,— и вотъ мы видимъ, что онъ начинаетъ все чаще и чаще совѣтоваться съ дружиной. Дружина, конечно, его успокоивала, старалась ободрить, говоря, что язычество не такъ сильно,

какъ онъ думаетъ, что среди язычниковъ есть масса такихъ, которые держатся его только по приказанію князя, такъ какъ онъ самъ подаетъ примѣръ ревностнаго идолослуженія и что они первые же примутъ христіанство, какъ только узнаютъ волю своего князя,—что многимъ недостаетъ только рѣшимости, какъ и ему самому,—что многіе съ любовію вспоминаютъ его бабку, Св. Ольгу и называютъ её мудрѣйшею изъ людей за то, что она давно рѣшилась и приняла христіанскую вѣру. Да, князь, говорили ему христіане дружинники, если бы Греческая вѣра не была самой лучшей, её не приняла бы твоя бабка Ольга! А иные, бывальцы въ Константинополѣ, говорили: «мы никогда не забудемъ той красоты, которую мы тамъ видѣли; и какъ всякій человѣкъ, какъ скоро отвѣдаетъ сладкаго, уже не будетъ потомъ хотѣть горькаго, такъ и мы дальше не хотимъ оставаться въ язычествѣ. Меньшинство дружины, языческое конечно, могло говорить и иначе, но, видя расположеніе князя совершенно въ другую сторону, должно было сдержаться. Да и чтобы оно могло сказать въ защиту язычества, когда ихъ князь собственнымъ опытомъ узналъ всю тщету идолослуженія?

Между тѣмъ различныя государственныя дѣла стали отвлекать вниманіе Владиміра совсѣмъ въ другую сторону. Государственная казна стала терпѣть убытокъ отъ того, что Радимичи, покоренные еще Олегомъ, воспользовались уходомъ Святослава въ Болгарію и съ тѣхъ поръ перестали платить дань Русскому князю. Нужно было ихъ покорить снова. Затѣмъ начались военныя дѣйствія съ Болгарами и съ южными кочевниками, то и дѣло тревожившими южные предѣлы русскаго государства. Но и за всѣми этими дѣлами и другими Владиміръ не забывалъ тоски своей души. Онъ вдругъ озадачивалъ дружину неожиданнымъ вопросомъ: «ну что жъ, когда и гдѣ намъ креститься»?—Гдѣ тебѣ любо, князь, толь-

ко крестись!—отвѣчала дружина и убѣждала не медлить. Но поговоривши, Владиміръ обыкновенно заканчивалъ свою рѣчь тѣмъ, что говорилъ: «подожду еще не много»! Что жъ это значило?.. Очевидно то, что онъ ждалъ какого-либо случая, который бы далъ ему волю сразу рѣшиться, или, быть можетъ, давалъ время своимъ подданнымъ свыкнуться съ мыслью о перемѣнѣ вѣры. И то и другое говорило только объ осторожности и умѣ князя Владиміра. Случай, котораго ждалъ Владиміръ, дѣйствительно вскорѣ представился. Наступилъ 988 годъ, когда у Владиміра началась война съ Греками. Какая была ея ближайшая причина, мы не знаемъ. Думаютъ нѣкоторые, что причиной ея было желаніе породниться съ Греческими императорами посредствомъ женитьбы на ихъ сестрѣ, но, такъ какъ онъ могъ сомнѣваться, что гордые императоры за него отдадутъ свою сестру, то, чтобы достигнуть своей цѣли, онъ вздумалъ припугнуть ихъ войною и осадилъ Корсунь, ближайшій къ Русскому государству Греческій городъ. Осада была тяжелая; Корсунцы заперлись въ городѣ и стойко отбивались—чѣмъ сердили Владиміра. Простоявъ подъ городомъ нѣкоторое время безъ успѣха, Владиміръ послалъ объявить осажденнымъ, что ежели они не сдадутся, то онъ три года будетъ стоять подъ городомъ и всетаки возьметъ его. Корсунцы не испугались; тогда Владиміръ велѣлъ подкопать городскія стѣны, но корсунцы ночью разрушили всѣ земляныя работы русскихъ. Волей, неволей Владиміръ долженъ былъ стоять и ждать. Но въ это время счастіе улыбнулось вдругъ ему. Одинъ корсунецъ, измѣнникъ Анастасъ, пустилъ въ войско Владиміра стрѣлу, на которой было написано; «за тобою, съ восточной стороны лежатъ колодцы; отъ нихъ вода идетъ по трубѣ въ городъ; перекопай и перейми её». Владиміръ, узнавши объ этомъ, внѣ себя отъ восторга и волненія, съ благодарностію взглянулъ на небо, и возлик-

нулъ: «если это сбудется, я крещусь». Вода была перекопана; корсунцы стали изнемогать отъ жажды, и сдались. Владиміру оставалось только исполнить данный обѣтъ, но прежде онъ захотѣлъ достигнуть и того, ради чего началъ войну. Онъ отправилъ пословъ къ византійскимъ императорамъ Василію и Константину, велѣлъ имъ сказать: «я взялъ вашъ славный городъ; слышу, что у васъ есть сестра въ дѣвицахъ; если не отдадите ее за меня, то и съ вашимъ городомъ будетъ тоже, что съ Корсунемъ». Въ то время византійскіе императоры постоянно вели войны съ русскими и большею частію неудачно, такъ какъ были слабы; и потому, когда услыхали слова Владиміра, то сильно испугались, затосковали и не знали, что дѣлать. Однако послали въ отвѣтъ Владиміру слѣдующія скромныя слова: не слѣдуетъ намъ христіанамъ выдавать своихъ родственницъ за язычниковъ; но если крестишься, то и сестру нашу получишь, и вмѣстѣ съ нею царство небесное, и съ нами будешь единовѣрникъ; если же не хочешь креститься, то, воля твоя, мы не можемъ выдать сестры своей за тебя. Владиміръ велѣлъ отвѣтить на это посланнымъ: «скажите царямъ, что я крещусь; я уже прежде испыталъ вашъ законъ; люба мнѣ ваша вѣра и служеніе». Императоры были рады, услышавъ такой отвѣтъ, и стали уговаривать сестру свою Анну выдти за русскаго князя. Аннѣ очень не хотѣлось идти замужъ въ далекую, неизвѣстную страну, къ неизвѣстному народу. «Иду», говорила она, «точно въ плѣнъ; лучше бы мнѣ здѣсь умереть». Но братья утѣшали ее, говоря: А развѣ ты не цѣнишь того, что Богъ чрезъ тебя обратитъ русскую землю въ покаяніе, а греческую землю избавитъ отъ лютой рати?—видишь сколько зла надѣлала Русь Грекамъ? Анна наконецъ согласилась ѣхать, сѣла на корабль, взяла съ собою священниковъ, церковную утварь, ризы, сосуды, богослужебныя книги и вооб-

ще все необходимое на первыхъ порахъ для новообращенныхъ, и поплыла въ Корсунь, гдѣ съ радостью ее встрѣтили женихъ и всѣ жители Корсуни. Но женихъ въ то время былъ боленъ глазами, и вотъ Промыслу Божію угодно было еще разъ ободрить его на пути къ великому подвигу. Анна, узнавъ объ этой болѣзни, прямо ему заявила: если хочешь исцѣлиться отъ болѣзни, то скорѣе крестись. Владиміръ послушался и сказалъ: если твоя правда, то поистинѣ великъ будетъ Богъ христіанскій—пусть меня крестятъ! Епископъ Корсунскій съ царевниными священниками немедленно же совершили надъ нимъ св. крещеніе и нарекли ему имя Василій. Какъ только таинство совершилось, Владиміръ почувствовалъ облегченіе отъ своей болѣзни, и, видя въ этомъ руку Божію, воскликнулъ: теперь только я позналъ истиннаго Бога! Одновременно съ Владиміромъ крещены были его сыновья и дружинники. Владиміру предстояла теперь самая трудная часть задачи,—крестить народъ, коснѣвшій въ язычествѣ и, быть можетъ, приготовлявшійся къ сопротивленію. Но и эту часть задачи Владиміръ исполнилъ такъ, какъ только можетъ исполнить человѣкъ въ высшей степени разсудительный и осторожный. Зная, что немедленно крестить весь народъ нельзя, потому что масса его далеко не была столь же внутренно готовою къ воспріятію новой вѣры, какъ напримѣръ его дѣти и дружина,—что одно только совершеніе таинства безъ разумѣнія его смысла и значенія не могло быть полезно для крещающихся,—что для нихъ нужно было найти достаточное количество воспріемниковъ, зная все это, Владиміръ рѣшился прежде разъяснить народу сущность новой вѣры и совершать крещеніе не вдругъ, а по частямъ. Для достиженія этой цѣли онъ заставлялъ знающихъ русскій языкъ священниковъ ходить по городу, учить народъ новой вѣрѣ и убѣждать креститься. Онъ даже лично принималъ участіе въ этомъ дѣлѣ.

Язычники,—одни, которые оставались еще не крещеными по одной нерѣшительности, подобно тому какъ въ такомъ же положеніи долгое время былъ и самъ Владиміръ, крестились охотно. Другіе, какъ болѣе преданные язычеству, крестились неохотно, но всетаки крестились, руководясь соображеніемъ, что «князь и старшіе лучше знаютъ, которая вѣра лучше»; третьи же,—и это самые упорные и закоренѣлые,—не только не хотѣли принимать новой вѣры, но—и слушать провѣдниковъ ея. Эти послѣдніе или рѣшительно отказывались отъ крещенія, или обманывали, говоря, что они уже крещены. Противъ такихъ-то князь издалъ строгій указъ, коимъ повелѣвалось всѣмъ некрещеннымъ въ заранѣе назначенный день явиться на рѣку Днѣпръ для крещенія, тѣмъ же, кто не явится, объявлялось, что они будутъ считаться противниками князю. Между тѣмъ для вящаго доказательства въ ихъ глазахъ ничтожности языческихъ боговъ, приказано было уничтожить послѣднихъ. Идолы были съ безчестіемъ низвергаемы; деревянныхъ жгли, каменныхъ разбивали, а главнаго бога Перуна стащили съ высокаго холма, на которомъ онъ стоялъ, привязали къ хвосту лошади, били палками и поволокли въ Днѣпръ, куда его и бросили. Мѣра эта должна была произвести различное дѣйствіе. Одни ею убѣдились, и съ радостію явились въ назначенный день къ рѣкѣ для крещенія; другіе только изъ страха предъ княземъ исполнили его волю; а третьи не хотѣли разстаться съ своими древними языческими вѣрованіями: они плакали, видя поруганіе своихъ боговъ, озлоблялись и, чтобы не подвергнуться гнѣву князя за ослушаніе, бѣжали въ лѣса и степи, гдѣ сдѣлались разбойниками, доставившими — впослѣдствіи немало хлопотъ Владиміру. Поразительное зрѣлище должна была представлять эта масса людей, собравшаяся на берегу рѣки въ ожиданіи крещенія. Тутъ были и женщины, и дѣти, и старые, и ма-

лые; тутъ были лица радостныя, — это христіане, готовившіеся быть воспріемниками своихъ собратій, язычниковъ и — печальныя, — это тѣхъ, которые неохотно пришли сюда. Шумъ и говоръ оглашали воздухъ. Но вотъ пришли священники и князь, и народъ вошелъ въ рѣку кто по поясъ, кто по грудь; мужчины стояли выше по теченію рѣки, женщины — ниже; взрослые держали на рукахъ младенцевъ; священники прочитали съ берегу молитвы и таинство совершено ... Такъ совершилось одно изъ величайшихъ событій въ исторіи русскаго народа!

Больше всѣхъ радовался сему виновникъ торжества князь Владиміръ Святой. Онъ не зналъ въ чемъ и какъ выразить эту радость. Онъ началъ строить православные храмы, и по случаю освященія ихъ задавалъ для народа богатые праздники, на которыхъ угощалъ народъ медомъ, разными кушаньями, и раздавалъ деньги. И чѣмъ больше стекалось на эти праздники народу, тѣмъ больше былъ доволенъ Владиміръ, потому что, глядя на множество собравшихся, онъ радовался, при мысли, что это всё—христіане. Такіе праздники онъ дѣлалъ во всѣ годы своего княженія. При дворѣ же княжескомъ, для его дружины, пиры устраивались каждую недѣлю, былъ-ли самъ князь въ городѣ или нѣтъ. Для дружины князь не жалѣлъ ничего. Тотъ, кто первый записалъ эти всѣ дѣла, и писанія свои оставилъ намъ, разсказываетъ такой случай: разъ дружинники подгуляли и стали роптать на князя, говоря: «какое намъ житье-то горькое: ѣдимъ мы деревянными ложками, а не серебряными». Владиміръ, узнавъ объ этомъ, немедленно же велѣлъ изготовить для дружины серебряныя ложки, говоря, что «золотомъ и серебромъ онъ не найдетъ дружины, а съ дружиной найдетъ и золото и серебро». И прежде Владиміръ былъ добръ—случаи же насилія и жестокости, припомнимъ, совершены были имъ подъ вліяніемъ его дяди

Добрыни, или же по увлеченію, извиняемому кромѣ того языческими понятіями—а теперь, послѣ принятія христіанства, сталъ еще добрѣе, милостивѣе и ласковѣе. Услыхавъ однажды, какъ читали въ Евангеліи — блаженни милостивіи, яко тіи помиловани будутъ, и еще: продайте имѣнія ваша, и дайте нищимъ, онъ позволилъ всякому бѣдному и убогому приходить къ себѣ на княжескій дворъ и брать даромъ и пищу, и питье, и деньги; а тѣмъ, кто по старости, или по болѣзни не могъ самъ приходить, велѣлъ всякую провизію— и хлѣбъ, и мясо, и рыбу, и мёдъ, и квасъ и пр. накладывать на телѣги и развозить по городу. Послѣ принятія христіанства, воевать онъ совсѣмъ не желалъ за исключеніемъ случаевъ, вызываемыхъ необходимостію самозащиты, сознавая, что не хорошо безъ нужды губить души христіанскія. Онъ даже разбойниковъ боялся карать, и когда ему говорили, что злодѣевъ карать можно, онъ отвѣчалъ: «Боюсь грѣха». За такія дѣла и доброту народъ безконечно полюбилъ своего князя, и называлъ его не иначе, какъ «краснымъ солнышкомъ».

Благодѣтельное вліяніе христіанства вскорѣ стало обнаруживаться на всей русской жизни. Нравы стали смягчаться. Прежняя грубость стала уступать мѣсто христіанской любви и мягкосердечію. Церковь внушала людямъ, что они существа разумныя, предназначенныя для высшей жизни, святой, и потому осуждала и преслѣдовала не только проявленія грубыхъ страстей, но и простую брань и срамословіе. Она водворила порядокъ въ семейной жизни. Браки въ близкихъ степеняхъ родства, двоеженство и многоженство, благодаря ея вліянію, стали выводиться. Умыканіе невѣсты уступило мѣсто христіанскому браку, по взаимному согласію жениха и невѣсты. Положеніе женщины въ семьѣ значительно улучшилось. Церковь учила, что женщина наравнѣ съ мущиною призвана ко

спасенію и потому наравнѣ съ послѣднимъ должна принимать участіе въ трудахъ и радостяхъ жизни настолько, насколько они не противорѣчатъ и не препятствуютъ достиженію главной цѣли жизни христіанина. Она помогаетъ мужу въ христіанскомъ воспитаніи дѣтей; ей даны высокія права матери, почти равныя правамъ отца. Даже въ общественной жизни она получила права, которыми прежде не пользовалась, напр. права владѣть имуществомъ и завѣщать оное по собственной волѣ дочерямъ, помимо сыновей. Разширивъ такимъ образомъ право женщины и возвысивъ её на степень равную съ мущиной, Церковь въ тоже время лишила отцовъ семействъ той безусловной власти, какою они пользовались въ язычествѣ, подчинивъ ихъ въ свою очередь высшей власти, какою по справедливости должно назвать власть ихъ духовныхъ отцовъ, т. е. Церкви. Церковь затѣмъ возставала противъ языческихъ суевѣрій, напр. противъ вѣры въ дурную встрѣчу, по которой, встрѣтившій чернеца или черницу, или свинью, или коня лысаго, возвращался назадъ, противъ вѣры въ чиханіе, бывающее будто бы одному во здравіе, другому въ болѣзнь,— въ домовыхъ, лѣшихъ, противъ гаданій, скоморошествъ, сопѣлей и всякихъ игръ и дѣлъ непотребныхъ, внушая, что подобныя языческія вѣрованія и потѣхи не совмѣстны съ званіемъ истиннаго христіанина. Она возставала противъ языческихъ—неумѣренности въ пищѣ и питіи и удовольствіяхъ, внушая, что постъ, употребленіе чистой пищи, цѣломудріе и трезвость составляютъ необходимое дополненіе и украшеніе жизни тѣхъ, кто хочетъ быть чистымъ и праведнымъ предъ Богомъ правды, чистоты и святости. «Пьянствомъ, говорила она, мы отгоняемъ отъ себя ангела хранителя и привлекаемъ злаго бѣса. Бѣсы радуются нашему пьянству и радуясь приносятъ дьяволу отъ пьяницъ пьянственную жертву; а діаволъ говоритъ съ радостію: никогда я не радуюсь столько жертвамъ

языческимъ, какъ пьянству христіанъ, потому что въ пьяницахъ находятся всѣ дѣла моего хотѣнія». Въ противуположность презрительному и безжалостному отношенію язычества ко всему недужному, старому и слабому, Церковь взяла подъ свое покровительство всѣхъ нищихъ, слабыхъ и убогихъ, внушая, что достоинство человѣка—христіанина не въ крѣпости силъ физическихъ и здоровьи, а въ крѣпости силъ нравственныхъ, въ величіи духовной его мощи, которая можетъ заключаться и въ слабомъ тѣлѣ. Не сильныхъ, гордыхъ и богатыхъ, а смиренныхъ, кроткихъ и нищихъ духомъ, внушала она, есть царствіе небесное. Указаніемъ неправоты другихъ церквей, Церковь увѣщевала твердо держаться православія: блюдитесь люди, говорила она, кривовѣрныхъ и всѣхъ ихъ дѣлъ, потому что они не чисто живутъ: ѣдятъ конину, удавленину, мертвечину, медвѣдину и бобровину; постятся въ субботу; кладутъ мертвецовъ ногами на западъ, а головою на востокъ; женятся на сестрахъ; священники ихъ и епископы не вступаютъ въ законный бракъ, а живутъ въ незаконныхъ связяхъ; епископы носятъ перстни и ходятъ на войну», и пр. Подъ вліяніемъ столь благотворныхъ внушеній и вліяній Церкви, русскіе скоро сознали, что нужно быть благочестивыми. И дѣйствительно, мы видимъ, что на самыхъ первыхъ уже порахъ распространенія у насъ христіанства, на Руси появляются богатыри не физической, а духовной силы—подвижники, посвятившіе всю свою жизнь на служеніе Богу, каковы напримѣръ: Свв. Антоній и Ѳеодосій, Леонтій, Кукша, Евфросинія и др. Основываются монастыри, изъ которыхъ выходятъ знаменитые проповѣдники христіанской вѣры среди еще неувѣровавшихъ язычниковъ. Появляются у насъ школы, а съ ними и просвѣщеніе. Книги выписываются массами изъ Греціи, а въ школахъ и монастыряхъ грамотные люди переводятъ ихъ на русскій языкъ. Эти же грамот-

ные люди начинаютъ и сами трудиться: напримѣръ, они записываютъ всё, что случалось и дѣлалось въ ихъ время, и вотъ, благодаря этимъ-то драгоцѣннымъ записямъ, мы и имѣемъ возможность вспомянуть теперь добрымъ словомъ свою старину.

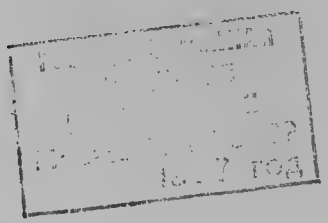
Затѣмъ, принявши христіанство, мы сдѣлались единовѣрными многимъ другимъ народамъ, благодаря чему получили возможность завести съ ними болѣе близкія сношенія, чѣмъ имѣли прежде, а эти сношенія принесли къ намъ множество другихъ полезныхъ знаній. Вообще, нѣтъ возможности перечислить всѣ тѣ блага, которыми мы стали пользоваться съ того самаго времени, какъ приняли христіанство, и которыми пользуемся до сихъ поръ!... Но не забудемъ главнаго изъ этихъ благъ: именно того, что мы получили возможность быть чадами Божіими и—наслѣдовать царство небесное. И всѣмъ этимъ мы обязаны нашему князю Св. Владиміру!

Будемъ же вѣчно помнить мы Русскіе того великаго мужа, котораго наши предки звали «краснымъ солнышкомъ» и котораго Св. православная Церковь сочла достойнымъ имени Равноапостольнаго.

Скончался Св. Владиміръ 15-го Іюля 1015 года. Этотъ день и доселѣ чтитъ православная Церковь. Онъ же вѣроятно будетъ и тѣмъ днемъ, въ который всего приличнѣе вспомнить всей Православной Руси дѣла и заслуги величайшаго изъ своихъ сыновъ.

М. Рубцовъ.

Перепеч. изъ «Воронежскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей».



7-SV
04+264/184